Смешная Love Story

Алина Кускова

РЕЙС НАЛЕВО

Алина Кускова

Рейс налево

«Автор»
2008

Кускова А.

Рейс налево / А. Кускова — «Автор», 2008

Что случилось – все вокруг вдруг решают жениться! Какой-то настоящий брачный бум! Максим Кудрин, без пяти минут счастливый муж Верочки, за час до наступления нового года обнаруживает у себя в квартире не свою невесту, а крепко подвыпившую незнакомую девицу, которая наотрез отказывается покидать его жилище, утверждая, что она-то как раз у себя дома! Как ее – ведущую журналистку газеты «Неделька в Петушках» – угораздило оказаться дома у Максима, Олимпиада Кутузова не помнила. Память вернулась, когда девушка ухитрилась расстроить сразу две помолвки: Кудрина с Верочкой и свою собственную...

© Кускова А., 2008
© Автор, 2008

Содержание

Вместо предисловия 5
Глава 1 7
Глава 2 16
Глава 3 25
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Алина КУСКОВА
РЕЙС НАЛЕВО

Правдивая история, начавшаяся в день, когда каждый телевизионный канал транслировал фильм всех времен и народов…

Вместо предисловия

Предновогодняя суета совпала с командировкой и не дала никаких шансов Максиму Кудрину заранее подготовиться к встрече Нового года. Он возвращался домой на междугороднем рейсовом автобусе и планировал обежать ближайшие магазины в поисках полуфабрикатов для праздничного стола. Да и купить елочных гирлянд не мешало, чтобы хоть как-то украсить ими свою холостяцкую берлогу. Ведь к нему должна была прийти Верочка! А он должен был сделать ей предложение руки и сердца! Как-никак, а с холостяцкой жизнью Максим сегодня должен будет распрощаться, возможно, навсегда. Но сосед-пассажир, еще с утра начавший празднование, всю двухчасовую дорогу донимал Кудрина разговорами, мешая сосредоточиться и думать о своем:

– Представляешь, мужик, встретил я тут на днях одного старика в красной шубе с белой бородой. Его в нашей подворотне пацаны дубасили. Я свою биту вытащил, спугнул пацанов. Старик обрадовался, запричитал, что он у нас в городе случайно оказался, проездом из своей северной деревни, и всех осчастливить хочет. Меня спрашивает, мол, чего желаешь? «Бабок, – ему отвечаю, – бабок, понимаешь, дед?! Типа, капусты. И побольше! Чтоб вся комната от зелени рябила». Он мне говорит, мол, ступай, сынок, к синему морю, тьфу, к своему дому, будут тебе бабки. Я и пошел. Дверь открываю, представляешь, мужик, квартира моя кочанами забита, на которых штук сорок старушек сидят и беззубыми ртами капусту шамкают. Полдня разгребал! Всех на улицу: бабок – в дверь, капусту – в окно. Вилком участковому в глаз заехал, он меня оштрафовал за нападение на органы.

Кудрин заинтересованно поглядел на соседа. Обычный тип среднестатистического парня, не обремененного интеллектом. Круглое лицо, косоватый взгляд, полные губы дрожат от смеха, скорее всего, шутит. И Максим улыбнулся. Парень воодушевился и продолжил:

– На следующий день я старика нашел, припер к стенке. «Чего, – ему говорю, – старый хрен, делаешь? Зачем мне столько бабок с капустой?! За козла ответишь!» Он мне пообещал другое желание исполнить. Ну, попросил я у бородатого старика телку, самую рыжую, с большими дойками. Тот пообещал, как только я приду домой, сразу ее увижу. Чего там идти, я побежал! Цветы купил по пути для приличия. Подбегаю, у двери соседи толпятся с разных этажей, интересуются, кто это скотину в городской квартире мучает? Открыл дверь. И что, ты думаешь, увидел?! Посреди комнаты облезлая рыжая корова стоит, вымя у нее по паркету волочится. Мычит, зараза, будто ее режут! Полдня ее в лифт запихивал! Уперлась, скотина, рогами и копытами, ни в какую не соглашалась покидать мою жилплощадь, только постоянно гадила. Участковый тут же прибежал, оштрафовал меня за загрязнение окружающей среды. Потом, правда, помог с лифтом, вошел в положение. И вышел оттуда вместе с коровой, которую я ему подарил.

Максим усмехнулся и отвернулся к окну, стараясь подавить смех, дабы не распалять рассказчика еще больше. Но в окне в полной темноте мелькали неясные очертания мелких строений и далекие огни больших городов. Пришлось повернуться в круглолицему и дослушать его историю.

– Нашел я старика, тот снова пообещал исполнить желание, третье и последнее. Поинтересовался у меня, чего я по-настоящему хочу. «Тачку! – говорю ему. – Тачку хочу. Красную „Феррари“ с откидным верхом. Последней модели! Но чтоб без обмана, дед!» Тот вздохнул и сказал, что будет она меня ждать у дома. Иду, смотрю: стоит около подъезда красная «Феррари»! Моя! Только ключи старый пень забыл оставить. Я за дверцы дергаю, колеса обнимаю, бампер целую… Вдруг она как заорет сигнализацией! Пацан какой-то выскочил из подъезда, по морде мне дал. Я когда очнулся, участкового увидел. На пятнадцать суток посадил, орган подбитый. Моя-то огородная тачка с кабачками за «Феррари» стояла. Красная была, херрари последней модели.

Максим рассмеялся, хотя ему было жаль парня с несбывшимися мечтами.

– Теперь я этого деда везде ищу, – признался тот. – Ты, мужик, не видел? В красной шубе с белой бородой? Вредный такой старик, ты, если его встретишь, хорошенько о желаниях подумай! Видишь, каким боком они выходят.

– Да у меня оно пока одно, – признался Максим круглолицему. – Женюсь я сегодня, дружище!

– Что, телка отпадная? В смысле, жалеть-то не будешь? – Парень подозрительно прищурился.

– Да кто ж его знает? – пожал плечами Максим. – Я, наверное, все-таки фаталист. Верю в судьбу.

– А-а. Теперь понятно. Судьба – она штука сложная, как вывернет иной раз, не поздоровится. Ты, мужик, на всякий случай к подъезду осторожно подходи и квартиру тихо открывай. Чуть что – беги без оглядки!

Если бы только Максим Кудрин знал, насколько ценен был этот совет! Но автобус уже въехал в небольшой провинциальный городок и направился к автостанции. Сейчас Кудрина больше заботил новогодний стол, который ему предстояло накрыть для любимой девушки. Он всматривался через разукрашенное сложными морозными узорами стекло, в витрины магазинов и прикидывал, откуда ему лучше начать обход. Времени до заветного боя курантов оставалось лишь три часа.

Глава 1
«Вставайте немедленно!» – орала польская актриса в Наденькином образе

Лифт, как обычно это бывает в новостройках, не работал, и Кудрину пришлось пешком добираться до четвертого этажа с тяжелыми пакетами, но с легкой душой. Он купил все, что хотел, и надеялся, что Верочка не будет предъявлять претензий к сервировке. Особенно после того, как он предложит ей выйти за него замуж. С воодушевлением Кудрин повернул ключ в замке и толкнул дверь. Она не поддалась с первого раза, было совершенно очевидно, что что-то сдерживает ее внутри квартиры. Максим поднатужился и распахнул дверь. Раздался удар, и нечто мягкое свалилось к его ногам. Откуда у него ковер? Наверное, мама принесла, пока его не было дома, решив, что сыну необходим уют. Теперь, когда он наконец-то будет жить один, он не потерпит ее вмешательства в его быт! Максим щелкнул выключателем, опустил глаза и опешил.

На полу лежала одетая в норковую шубку и перевязанная со всех сторон пушистым шарфом женщина и стонала, держась за правый глаз. Прищурившись от яркого света, залившего просторный коридор, она неприлично выругалась и потребовала от Максима убираться ко всем чертям. Тот вместо ответа перешагнул через девицу, поставил пакеты на кухне, вытащил из холодильника ледяной кубик и вернулся к гостье.

– Приложите, а то будет шишка, – буркнул он, разглядывая незнакомку. Хоть он и видел только половину ее лица, но сразу сделал определенные выводы: симпатичная зеленоглазая блондинка со вздернутым носиком не сулила ничего хорошего в эти предновогодние часы. – Что вы здесь делаете?

– Живу! – заявила блондинка и устало махнула рукой. – Шагай отсюда, шагай!

– Как это «живу»? – изумился Кудрин и вышел в подъезд для того, чтобы убедиться в правильности номера собственной квартиры. Естественно, он не ошибся, тринадцатая квартира – его! – Это я здесь живу!

Блондинка глубоко вздохнула и кинула лед под телефонную тумбочку.

– Помоги подняться, джент… джент… джентльмен ты или нет?! – Она замахала руками, словно собиралась взлететь. – Неси в спальню и положи меня на надувной матрас, – приказала она.

Кудрин задумался, девица явно была не в себе, к этому умозаключению добавлялся стойкий запах алкоголя, заполнивший коридор. Все ясно, мама забыла закрыть дверь и пьяная девица ошиблась квартирой. Он поднял ее хрупкое тело и с легкостью донес до входной двери, намереваясь оставить девицу на лестничной площадке. Но блондинка, несмотря на свое состояние, моментально определила, что ее несут в другую сторону, и зацепилась за дверной проем ногами и руками.

– Буду орать, что ты меня насилуешь! – бесцеремонно заявила она изумленному Кудрину. Он представил, как на площадку тут же выскочат Спиридон Фомич, Нелли Аркадьевна, Роза Викторовна, придет Верочка и все они начнут на него косо смотреть. Верочка?! Скоро придет Верочка, а он еще не накрыл стол.

– Шут с вами, лежите на матрасе. Но у вас только час на раскачку! Потом – на все четыре стороны.

Максим занес девицу в темную спальню и бросил ее на надувной матрас, который служил ему кроватью. После чего понесся на кухню и занялся нарезкой колбасы, охлаждением шампанского и мытьем мандаринов. Сервировка стола заняла у Кудрина не много времени. Разноцветная одноразовая посуда и цветастые салфетки радовали глаз. Безусловно, его буду-

щая жена не всегда будет пить шампанское из одноразовых стаканчиков, просто распаковать фужеры он не успел. Но Верочка не обидится, ведь он так старался, приготовил ей подарок. Кудрин прошел в комнату, достал из комода маленький футляр и еще раз взглянул на колечко. Бриллиант сверкнул радугой на свету и потух под захлопнувшейся крышкой. Кудрин выключил люстру и включил елку. Настроение должно быть не только праздничным, оно должно быть интимным. От Верочкиного «Да!» зависит его дальнейшее существование, да что там существование! Вся жизнь, которую он хочет провести с Верочкой. Но хочет ли? Максим подавил в себе крамольную мысль. В тридцать пять лет пора обзаводиться семьей, мама права. Карьера сделана, и она движется по накатанному пути, теперь ему нужна семья.

Верочка отлично подходит на роль его жены, к тому же Кудрин в нее влюблен с того самого момента, как стройная двадцатидвухлетняя рыжеволосая красавица появилась у них на фабрике и заняла свое место в отделе закупок. На нее заглядывались многие, но она выбрала его. Умудренного опытом, подтянутого, не лишенного привлекательности, холостого главного инженера фабрики. Они встречались полгода, прежде чем Максим решился сделать ответственный шаг. К этому моменту его подталкивало буквально все, в том числе и новая двухкомнатная квартира, ожидающая свою хозяйку. Верочка уже начала ее обустраивать, ей не нравилась дешевая шведская деревянная мебель, впопыхах купленная Максимом. Ей много чего не нравилось, но она мирилась и терпела ради Максима. Или ради достижения своей цели? Какая разница! Отныне у них одна цель, и они станут двигаться к ней вместе.

Кудрин поставил на середину стола коробочку с колечком, поморщился, спрятал коробочку в карман брюк и поглядел на часы. Сейчас она придет! Сейчас! Он что-то забыл сделать? Что же он забыл? Ах, да. Зажечь ароматизированные свечи. Верочка очень любит интим. Где эти свечи?! Кудрин занялся поисками.

Когда раздался долгожданный звонок в квартиру, Максим вытянулся в струнку, набрал в легкие побольше воздуха и направился открывать. На пороге стояло белоснежное меховое облако сплошного гламура, из которого выглядывал острый носик Верочки.

– Привет, милый, – прощебетала она и заскочила в коридор. – Ты сегодня просто секси! – Ее острый нос сразу почуял чужой запах. – Аромат от Джей Ло, фи, приторно и слишком вызывающе. Надеюсь, ты подаришь мне не эти духи. – Верочка чмокнула жениха в щеку, и он кинулся помогать ей скидывать шубку. – Я немного опоздала, задержалась в салоне. Ты же знаешь, какой там аврал перед праздниками!

Кудрин салонами красоты не пользовался, про предпраздничные авралы ничего не знал, но согласно кивнул головой, проводя невесту в комнату.

– Скоро будут бить куранты, – произнес он и замер, наблюдая за тем, как Верочка в нерешительности остановилась у стола с одноразовой посудой. – Понимаешь, дорогая… – принялся он оправдываться.

– Все понимаю, милый, – защебетала Верочка, – нужно было позвонить мне, я бы захватила фужеры.

– Да я как-то замотался, – признался Кудрин и взялся за бутылку шампанского.

– Почему ты не включаешь свой супертелевизор? – Верочка подскочила к плазменному экрану и схватила пульт. – Я люблю слушать президента. – Она щелкнула пультом, и на экране показались куранты. – Я успела! Я успела! – радовалась Верочка, прыгая вокруг Кудрина. – Почему ты не скажешь, какое у меня изумительное платье?! Представляешь, я забрала его от портнихи только в двенадцатом часу! И все это для тебя, милый. – Она взяла стаканчик из рук Максима и попыталась чокнуться с его стаканом. – Как жаль, что нет звона. Но вместо него бьют куранты!

– За нас, дорогая! – Кудрин внезапно забыл заранее подготовленную речь и опрокинул в себя шампанское. – За нас с тобой, Верочка! – Он подумал, что получилось не так торжественно, но уж что получилось…

– Ты сегодня какой-то не такой, – подметила Верочка, присаживаясь на стул и быстро скользя по жениху взглядом.

– Ну да! – Кудрин наполнил свой стакан шампанским и выпил. – Действительно. Я давно хотел тебе сказать, дорогая, мысли как-то путаются. Хотел сделать сюрприз для наших с тобой отношений. Ведь они же должны когда-нибудь закончиться чем-то. – Он схватился за карман и решился на ответственную фразу: – Дорогая, наши отношения подошли к завершающему логическому этапу…

– Как это к завершающему? – Верочка капризно надула губки. – Полгода коту под хвост?!

– Не перебивай меня, пожалуйста, – попросил Кудрин, – я и так сбиваюсь с мысли.

– Нет, а! Хороши же эти мысли, – подозрительно прошептала та.

– Верочка! Ты красива, привлекательна, умна. А я уже не молод, долгое время жил с мамой. Сама понимаешь, холостячил, – продолжал свою «торжественную» речь Кудрин, стоя со стаканом.

– Ничего не понимаю, – сказала Верочка и сама налила себе шампанского, выпив его залпом.

– Сейчас поймешь! – воодушевленно похлопал себя по карману Кудрин и замер на месте.

Дверь спальни открылась, и оттуда вышла полуголая блондинка. Она по-хозяйски прошествовала к столу, схватила кусок сырокопченой колбасы, засунула его в рот и прошамкала:

– Проголодалась, жуть! Слушай, у тебя закурить не найдется? – Блондинка повернулась к Кудрину, тот отрицательно покачал головой. – А у тебя, рыжая? – Та поперхнулась и закашлялась. – Где я оставила свою сумку?! – И полуголая девица скрылась в коридоре.

– Я все поняла! – взвизгнула Верочка и повела длинным носиком. – Джей Ло! Сладковатый аромат с привкусом секса! Так вот какой сюрприз ты мне устроил, милый?!

– Я про нее совсем забыл, – хлопнул себя по лбу Кудрин и сел.

– Как бы не так, такую, и вдруг забыть, – покачала головой Верочка, вскакивая с места. – Она такая секси! Ноги, руки, грудь! Только откуда у нее фонарь под глазом?!

– Ударилась об косяк, – машинально произнес Кудрин, понимая, что попал в идиотское положение.

– Негодняй! Развратник! Самец! – сыпала на него Верочка, толкая блондинку в коридоре и снимая с вешалки свое белоснежное облако. – Ты еще об этом пожалеешь! – Она хлопнула дверью со всей силы.

– Между прочим, металлические двери нынче дороги! – крикнула ей вслед блондинка, выуживая из-под тумбочки свою сумку. – Вот где они, мои сигаретки. Ходят тут всякие. – И она икнула.

– Что вы наделали?! – Кудрин сорвался со стула и предстал перед блондинкой в праведном гневе. – Вы хоть представляете, что вы наделали?!

– Это не я, – нагло пожала хорошенькими плечиками та, – это кого-то другого в спальне стошнило. И почему вы кричите на меня, собственно?! По какому такому праву?!

– По праву собственника жилого помещения, в котором вы находитесь! – заявил Кудрин и кинул блондинке халат, который принес из ванной комнаты.

– Мой, между прочим, розовый. Собственник несчастный, выметайся из моей квартиры! Вот нахал, мало того, что сам заявился, еще свою истеричную бабу притащил. Толкучую какую-то.

Блондинка закуталась в халат, села за праздничный стол и закурила. Она внимательно оглядела Кудрина: не молод, но хорош собой, фигура спортивная, в карих глазах даже видны проблески ума. Такие обычно бывают главными героями в любовных мелодрамах. Да, не зря рыжая орала, оставляя ее наедине с этим Героем. Ох, не зря. Впрочем, сегодня же Новый год!

– Слушай, не помню, как тебя там зовут, – сказала блондинка после тщательного осмотра Кудрина, подкрепляясь лососем, – вали, давай, отсюда. Скоро мой жених придет. Как-то неудобно будет ему объяснять, что к чему. К тому же он очень ревнивый.

– Жених?! – сатанея, закричал Максим. – Так сюда припрется целая компания?!

– Не драматизируй ситуацию, – вяло отмахнулась от него блондинка, – только мой жених. У меня же не гарем, – и она ехидно хихикнула.

– У меня тоже нет гарема! – продолжил кричать Кудрин. – Была всего одна невеста! Была! И благодаря вам, так сказать, вашему появлению в моей квартире, теперь и ее нет.

– Ой, ой, как смешно. – Она налила себе шампанского, но, икнув, потянулась за соком. – С каких это пор моя квартира стала твоей? Герой, ты, видно, что-то путаешь.

– Это вы путаете! Вы! Оглянитесь! Это же не ваша комната! – попытался достучаться до ее сознания Максим.

– Не моя? – Блондинка обвела мутным взглядом комнату. – Как это не моя? – Она ткнула пальцем в стол: – Дешевая шведская мебель, одноразовая посуда, искусственная елка за три тысячи рублей с мигающей иллюминацией в виде новогодних шаров…

– За три тысячи сто рублей, – простонал Максим.

– Переплатил сотню, – довольно усмехнулась та и принялась вспоминать дальше: – Надувной матрас вместо кровати, металлическая дверь с замком «СуперЦербер», новая квартира номер тринадцать в кирпично-монолитном доме повышенной комфортности. Все мое, Герой, так что не задерживайся. Спасибо тебе за плазменный телевизор, это, как я понимаю, твое извинение за вторжение. – Блондинка щелкнула «лентяйкой», и на экране появились кадры «Иронии судьбы, или С легким паром!» с нетрезвой физиономией Жени Лукашина и Наденьки, поливающей его из чайника. «Вставайте немедленно!» – просила польская актриса в Наденькином образе. – Каждый год одно и то же показывают, – вздохнула блондинка.

– Я все понял, – трагически произнес Кудрин, глядя на экран. – Но такого не бывает!

– Слушай, Герой, это тебе не поле чудес, а жизнь, – нравоучительно заметила блондинка. – В жизни бывает и не такое! Беги, догоняй свою рыжуху, или она отчалит к другой пристани.

– Поздно догонять, – разочарованно сказал Максим, – надо было сразу.

– Конечно, надо было сразу, я же тебе говорила. Но ты оказался таким меркантильным типом. Моя квартира, моя квартира. Да если бы убежал мой жених, я наплевала бы на все квартиры, вместе взятые! А кстати, почему он не идет?

– Так и наплюйте, – предложил Кудрин, – и освободите жилплощадь. Возвращайтесь в свой Ленинград и бегайте за своим женихом там.

– Нетушки, – хитро прищурилась блондинка, – я живу не в Ленинграде, а здесь.

– Не может быть, – покачал головой Кудрин. – Заметьте, милочка, это и не Москва! Это глубокая провинция!

– А я и живу в глубокой провинции, – фыркнула блондинка, – нашел, чем уколоть. Живу и радуюсь, между прочим! – Она потянулась за сырокопченой колбасой.

– Лопнете, деточка, – язвительно произнес Кудрин.

– А ты уйди, – нашлась блондинка и добавила: – Скудный стол. Сразу видно, не я его накрывала.

– Не вы! Не вы! – схватился за ее мысль Максим. – И стол не ваш, и колбаса!

– Почему это колбаса не моя? – презрительно фыркнула та. – Я такую люблю.

– Забирайте весь батон и отправляетесь домой, – согласился Максим, – я дам вам еще и студень!

– Пытаетесь откупиться?! – Блондинка заложила ногу на ногу, и пола халата съехала вниз, обнажив ее загорелую конечность. – Не выйдет! – Она помахала у себя перед носом указательным пальцем. – Сами забирайте колбасу со студнем и ступайте за своей невестой.

– Так, спокойно. – Кудрин взглянул на экран, где разборки Евгения с Наденькой продолжались. – Будьте так любезны, покажите ваш паспорт.

– Ой! Какой правоохранительный орган нашелся! Паспорт ему покажи. Нет у меня паспорта. Съел?

Кудрин кинулся к ее сумочке и принялся бесцеремонно рыться в многочисленном содержимом.

– Совсем мужики обнаглели, – опешила блондинка, – нет у меня ни паспорта, ни денег. И брать с меня нечего, и вообще, я владею некоторыми приемами карате, которые отбивают детородную функцию и желание хапать чужие вещи.

Паспорта действительно не оказалось, вместо него Кудрин вытащил из косметички блондинки журналистское удостоверение и уставился на него, как баран на новые ворота.

– Так вы эта?! Которая самая древняя по профессии?! – воскликнул он удивленно.

– Попрошу без намеков на мой возраст! – заявила блондинка и тряхнула светлыми курдяшками.

– Корреспондент еженедельника «Неделька в Петушках» Олимпиада Кутузова, – зачитывался документом Кудрин. – Вы что же, решили взять у меня интервью?

– Ага, давай, рассказывай, как ты до такой жизни докатился. Внимание, включаю диктофон!

– Где ваш адрес?! – потряс документом Максим. – Здесь нет вашего адреса!

– А ты хотел бы, чтобы он там был? Может, тебе еще и номер моего мобильника дать? – кокетливо поинтересовалась та. – Ладно, герой, давай знакомиться. Как я вижу, по-хорошему ты отсюда все равно не уйдешь. Давай, говори свое имя и фамилию. Мне нужно будет их озвучить в травматологическом отделении, а ты туда обязательно попадешь после прихода моего жениха. Не кочевряжься, меня можно звать просто Липой.

– Ну, естественно, – пробормотал Кудрин, хватаясь за свой лоб, – как же иначе?! Липа и есть липа. Журналистка «Недельки в Петушках»! А почему, кстати, в Петушках?! Это что, название местности или предприятия по переработке кур?

– Дурашка, – мило улыбнулась Липа, – никогда «Недельку» не читал! А мог бы интересоваться новостями города, в котором живешь!

– Лично у меня с Петушками нет ничего общего! – заявил Кудрин и положил документ обратно в сумку. – На фотографии вы гораздо приличнее выглядите.

– Не хорошо так говорить о городе, в котором живешь, – укорила его Липа и принялась за студень.

– Петушки? Так вы живете в Петушках?! – внезапно дошло до Максима.

– Как будто ты живешь на Манхэттене, – пожала плечами Липа.

– Но я-то не живу в Петушках, – прищурился Кудрин, – и дом, в котором вы сейчас находитесь, тоже стоит не в Петушках! И вид из окна, – он схватил блондинку за руку и подтащил к темному окну, – совершенно не петушковский!

– Отчего же, – не согласилась та, – огни везде одинаковые. Вон там сквер, а там памятник Ленину.

– Чайковскому! – выпалил Кудрин. – Памятник великому композитору, чей музей находится в Клину! И вы находитесь в этом же месте!

– Я нахожусь в музее? – Липа отступила от Кудрина на шаг. – Ты не температуришь?

– Ха-ха! Теперь по сценарию вы должны поинтересоваться, зачем я поменял памятник Ленину на памятник Чайковскому. – Он возбужденно принялся расхаживать по комнате.

– А зачем ты их поменял? – повторила Липа, у которой от его мельтешения закружилась голова.

– Да ничего я не менял, голубушка! Ничего. Просто вы попали в другой город. Этот, – Кудрин принялся тыкать пальцем в пол, – город Клин! А вы живете в Петушках! Где вы должны были встречать Новый год со своим женихом?!

– В Петушках, – повторила блондинка и подошла к столу. Она взяла бутылку шампанского и налила себе в одноразовый стаканчик пенного напитка.

– Прекратите пить, алкоголичка, – разъярился Кудрин, – и включите свои журналистские мозги.

– Приказывай своей невесте, – скривилась Липа. – Ах, да, я и забыла, она от тебя сбежала!

– А ваш жених не придет! Он-то не знает, что вас занесло к черту на кулички!

– Хорошего же ты мнения о своем городе, – вздохнула Липа и залпом выпила шампанское.

На плазменном экране разворачивалась трагическая сцена возвращения Ипполита.

– Я ей позвоню, объясню все, как есть, и она ко мне обязательно вернется, – заявил Кудрин, мельком взглянув в телевизор.

– Как же, – задумчиво проговорила Липа, – разве ж она поймет, что можно так ошибиться. Как тебя там, я что, действительно в Клину?!

– Максим, – буркнул тот, довольный тем, что до нетрезвой девицы наконец-то дошло, что она ошиблась адресом. Да что там адресом, девица ошиблась городом! – Действительно.

– Это в том самом Клину, где есть музей Чайковского и куда должен был приехать на рождественские праздники сам Негонини! Бедная Вика! Она должна была взять у него интервью!

– До Рождества еще далеко, – пожалел неведомую Вику Кудрин. – Еще возьмет.

– Ты не понимаешь, – тряхнула кудряшками Липа, – с ним было очень тяжело договориться о встрече, известный скрипач не любит журналистов.

– Ах! Как я его понимаю! – усмехнулся Кудрин и сел рядом с Липой за стол. – Значит, так, давайте расставим все точки над i. Я в самом деле собираюсь позвонить Верочке и попытаться с ней объясниться. Но в этом случае я должен знать, каким образом вы попали ко мне в квартиру. Постарайтесь вспомнить все, до мельчайших подробностей. После этого я помогу вам добраться до ваших Петушков. Договорились? И можете есть студень с колбасой, не стесняясь.

– Договорились, – пробормотала несколько опешившая Липа и потерла виски.

Она сразу же представила Станислава, размахивающего перед ней руками. Он давно говорил ей, что подобный образ жизни не приведет ни к чему хорошему, когда-нибудь она допрыгается, и он пальцем не шевельнет, чтобы ей помочь. Что же ей делать? Позвонить ему? А вдруг он действительно не захочет шевелить пальцем?! И она погибнет в этом городе-музее! И некому будет всплакнуть на ее могилке. Глупости, мама всплакнет, Вика, Элька, Маринка Смирнова и главный редактор еженедельника. Второй такой работящей дуры он больше не найдет. Ох, дура она, дура, хоть и работящая. Стоп! Не следует себя жалеть. Герой прав, нужно включить мозги. Липа встала и прошла в ванную комнату, там она подставила голову под душ с холодной водой и попыталась отрезвить ее содержимое. Светлые кудряшки сразу намокли, и Липа потеряла свой кокетливый вид, который совершенно не вязался с ее образом. Она замотала голову полотенцем и вернулась к столу, где, задумчиво уставившись в экран телевизора, сидел Максим.

– Хорошо, – сказала Липа, сжимая ладони в кулачки. – Я расскажу тебе все.

– Можно подумать, что это государственная тайна, – усмехнулся Максим. – Впрочем, я слушаю.

– Накануне Нового года Элька Скороходова собрала девичник: я, она, Вика Наумова и Марина Смирнова. Мы все выпускницы одного университета, однокашницы, понимаешь?

– Где уж мне понять, – продолжал ерничать Кудрин, но сразу спохватился. – Ясно, ясно.

– Собрались мы в одном столичном ресторане. Элька живет и выходит замуж в Москве. Посидели, отметили и разъехались. Закуски перечислять?

– Не стоит, – отмахнулся Максим, – по всей видимости, ели мало, а пили много.

– Да, неплохо посидели, – сказала Липа. – Поехали на автовокзал, там меня посадили в автобус, и я приехала сюда. Вот и все.

– Что значит, вас посадили? Вы что, плененный рецидивист? И вас насильно толкали на междугородний рейс в другую от Петушков сторону? – недоумевал Кудрин, наливая себе остатки шампанского.

– Никто не насильничал, – пробурчала Липа. – Просто мы обнимались, целовались, прощались, и меня перепутали с Викой.

– Допустим, допустим, – Кудрин кивнул на экран, – можно и перепутать! Но как вы нашли мой дом?!

– Элька дала водителю сотню, чтобы он доставил меня к дому номер шестьдесят шесть по ул. Спортивной. И дом оказался этим, – пожала плечами блондинка.

– Представляю реакцию пассажиров автобуса, который заруливает во двор многоэтажки и высаживает пьяную девицу у подъезда! – Кудрин первый раз за новогоднюю ночь засмеялся.

– Многие спали и ничего не заметили. Или я ничего не заметила.

– Естественно, вы. Хорошо, но интересно, как вы узнали код входной двери?

– Мне любезно подержал ее какой-то Спиридон Фомич, он еще поинтересовался, в какую я иду квартиру, – честно сказала Олимпиада.

– И вы назвали мою?! – схватился за голову Кудрин.

– По-моему, еще, но этого я не помню точно, – зловеще прошептала ему Липа, – я его поцеловала. В знак благодарности. А он пригласил меня на чай. Но я пошла сразу домой, открыла дверь и провалилась в темноту…

– Так, значит, подошел и ключ. Фантастика! Вы сейчас же все это перескажете моей невесте! – И он кинулся к телефону. Но по набранному номеру не ответили. Кудрин перезвонил снова с тем же результатом. Он пошел на кухню и достал их холодильника бутылку водки, распечатал ее и налил себе в одноразовый стаканчик. Залпом выпил и сел за стол к Олимпиаде.

– Мне кажется, – трагически сказала та, – расстраиваться не стоит. Она сюда вернется.

Словно подслушав ее пророчество, раздался звонок в дверь.

– Молчите! – закричал ей Кудрин. – Станете говорить, когда я вам скажу! Сначала я сам! – И побежал открывать дверь.

Рыжуха ворвалась в квартиру жениха, как фурия. Она забежала в комнату и с ненавистью уставилась на Олимпиаду, мирно восседающую за праздничным столом и криво ей улыбающуюся.

– Ага! – закричала Верочка Кудрину, который прибежал за ней следом. – Так она приняла у тебя душ! И надела мой халат! А! – продолжала она, изучая стол: – Вы уже перешли на водку?!

– Верочка! – закричал несчастный Кудрин и поволок ее на кухню. – Сейчас ты все узнаешь!

Липа глубоко вздохнула и подошла к закрытой кухонной двери. Верочка орала нечеловеческим голосом, обвиняя Кудрина во всех земных грехах. Вряд ли в таком шуме можно было что-то нормально объяснить. Липа пожала плечами и выглянула на лестничную клетку. Высокая пожилая дама в шелковом халате а-ля кимоно выглянула одновременно с ней из соседней квартиры.

– У вас все в порядке? – поинтересовалась она грудным голосом.

– Да так себе, – призналась Липа. – Но до убийства, я думаю, не дойдет.

– Нелли Аркадьевна, – дама протянула руку из приоткрытой двери.

– Олимпиада, очень приятно. Нелли Аркадьевна, а это точно город Клин?!

– Если что, – ответила та, – срочно вызывайте неотложку! Массовый психоз вреден для здоровья.

И она закрыла свою дверь. Олимпиада, которую фактически обвинили в массовом психозе, вернулась в квартиру. И столкнулась с выбежавшей из кухни Верочкой.

– Негодняй! Развратник! Самец! – кричала она Максиму.

– Как-то она однообразна, – заметила Липа, когда за Верочкой с треском захлопнулась дверь.

– Да уж, – устало прислонился к косяку Кудрин, – она не может сыпать эпитетами и врать, как вы.

– Я нисколько не соврала, – обиделась на него Липа. – Кстати, тебе привет от Нелли Аркадьевны.

– Только этого мне не хватало! – возмутился Кудрин. – Она хорошая знакомая моей мамы. Боже! – он побежал к телефону. – Я же маму не поздравил!

Олимпиада всегда скептически относилась к маменькиным сыночкам. В прописную истину, которую придумали эти самые мамы, что любящий маму жених будет так же любить свою супругу, она не верила. А великовозрастный маменькин сыночек вызвал у нее полное презрение. Как только он вообще решился на женитьбу?! Скорее всего, невесту выбирала ему мама. Как же ее придется разочаровать сообщением о том, что невеста сбежала! Липа прислушалась, ничего про сбежавшую невесту Кудрин маме не сообщал. Странно, на что он надеется? Что Верочка вернется? Глупости, эта дуреха до конца жизни будет его обвинять, и сколько ей ни показывай «Иронию судьбы», никогда не поверит, что нечто подобное может случиться на самом деле. У таких, как Верочка, напрочь отсутствует фантазия. Они больше всего склонны доверять материальным благам, данным им в ощущении. Скорее всего, никаких чувств она к Герою не испытывает, просто молоденькая свистушка решила выскочить замуж. А почему бы и нет? Максим привлекателен, умен, интеллигентен. Он вполне может нравиться женщинам. Только не ей, у нее есть жених, который мыкается неизвестно где. Нужно ему позвонить, но лучше это сделать потом, когда она немного протрезвеет и придумает оправдание своему поступку. Нет, лучше про свой поступок ничего не говорить. Станислав, так же как и Верочка, начисто лишен фантазии. Ему лучше соврать. Герой прав, врать Олимпиада может. Но только в исключительных случаях, и сегодня случился один из них.

– Как мама? – Липа прошлась мимо разговаривающего по телефону Кудрина. Впрочем, разговор был весьма условный. Говорила мама, а Кудрин внимательно ее слушал. – Передавай ей привет от меня и поздравления с Новым годом, – и она подмигнула Максиму. Тот поперхнулся и закашлялся.

– Нет, мама, я не заболел, – ответил он наконец-то. – Да, мама, у нас все в порядке, с Верочкой тоже.

– А! Врешь родной мамочке, – прошипела ему на ухо Олимпиада. – Нехорошо.

– Да, мама, обязательно, мама, – продолжал соглашаться тот. Вдруг неожиданно он сказал «нет»: – Нет! Не нужно ко мне приходить утром! Я буду спать! Один или с Верочкой. Мама, утро наступит через пару часов, о каком визите ты говоришь?! – Кудрин с досадой положил трубку на место.

– Что? Ждем мамочку в гости? И как ты объяснишь отсутствие Верочки?! Вот мама-то расстроится.

– Никак не объясню, – пробурчал тот, борясь с нервным тиком. – Если Верочка не вернется, вместо нее будешь ты!

– Вот это номер, – пробормотала Липа. – Бунт на корабле? Мятеж на судне, терпящем бедствие. И что ты скажешь про меня маме?

– Ничего не скажу, – нагло заявил тот. – Скажу, что ты и есть Верочка!

Липа подумала о том, что не такой он уж и маменький сынок, если невесту решился выбрать сам. Его мать не видела Верочку! Скорее всего, она рассчитывала с ней познакомиться. Обычно молодые приходят к родителям в гости, но эти, видимо, радовать мамочку не спешили. И она вознамерилась прийти сама! Вот весело будет, если она застанет здесь сразу двух Верочек, одна из которых будет визжать, как недорезанный молочный поросенок. Нет, такие эксцессы Олимпиаде не по душе. Сейчас же нужно позвонить Викусе и поинтересоваться адресом ее клинской бабушки, у которой она собиралась остановиться. Липа полезла за мобильным телефоном и набрала номер подруги. Сухой голос автоответчика сообщил, что абонент находится в отключке. Автоответчик даже не подозревал, насколько он был прав.

– Что? Твой жених загулял с новой пассией? – кисло улыбнулся Кудрин.

– Кстати, о женихе, – Липа не собиралась сдаваться и, рискуя быть осмеянной и освистанной Станиславом, позвонила ему.

– Где ты, негодница?! – орал Станислав в трубку. – Я, как идиот, проторчал перед твоей дверью битый час! Пока меня не приютила твоя соседка! Олимпия, где ты?! Что случилось?!

– Понимаешь, – пробормотала Липа, неожиданно вспоминая, что ее новая соседка – молоденькая профурсетка с голубыми глазами. – Мне пришлось уехать в срочную командировку. Ты же знаешь нашего главреда. У него все всегда неожиданно и срочно. Но утром я вернусь! С Новым годом, Стасик!

– Как же, – зловеще произнес Кудрин, в упор глядя на Олимпиаду. – На чем это, интересно? На метле? И врать, к тому же, нехорошо! Впрочем, врать тебе придется, Липа! Как же ты объяснишь свой фингал под глазом? Ударилась о дверной косяк, вламываясь среди ночи в квартиру к холостому мужчине.

Станислав не дослушал Липу, бросил трубку, пообещав ее утром встретить. Он был так сердит, что даже не поинтересовался, в какую именно командировку отправилась его невеста накануне встречи Нового года. Он не поинтересовался и ее здоровьем, а мог бы спросить, не подбила ли она свой правый глаз…

Глава 2
С Новым годом! С новым счастьем!

Чем легче становилось голове, тем тяжелее было на душе. Осознавая всю тяжесть совершенного деяния, Олимпиада грустнела и задумчиво глядела в телевизор. На экране продолжала разворачиваться двухсерийная мелодрама с комедийным уклоном. Страдания главных героев настолько переплетались с ее собственной жизнью, что Липа вздохнула и налила себе водки. Лучше уж оставаться нетрезвой, чем думать о том, что случится, если она и в самом деле не приедет в Петушки этим утром. А ехать было страшно. Зеркало отразило такой сногсшибательный результат проведения новогодней ночи, что никаким образом перед Станиславом ей не оправдаться, и уж тем более собственной образиной.

– Это вы виноваты! – всхлипнула неожиданно Олимпиада. – Могли бы открывать дверь в квартиру осторожно! Мало ли какой человек под ней случайно оказался.

– Конечно, нужно было открывать аккуратно. Ведь пьяные девицы под дверью оказываются постоянно. Особенно под Новый год, этаким сюрпризом для холостяков, намеревающихся жениться. Не на них, между прочим, а на трезвых, разумных и не валяющихся под чужими дверями девушках. – Кудрин встал из-за стола. – А отчего, собственно, ты перешла со мной на «вы»?

– Не знаю, – призналась Липа, шмыгая носом. – Само собой получилось.

– Ага, значит, более трезвая ты более покладистая и воспитанная. – Кудрин распахнул дверь в спальню. – Нужно поспать. Сейчас четыре часа утра, в семь на Москву идет первая электричка. Так и быть, я провожу тебя на вокзал, ну, а встречать, как я понимаю, будет Стасик. Его также ожидает сюрприз. Можешь ему соврать, что командировка прошла не так удачно, как ты планировала. Задала вопрос про ремейки и получила ответ в глаз.

– Очень смешно, – пробурчала Липа и зашла в спальню.

– Не волнуйся, за барабашкой, которого стошнило, я убрал. Ложись на матрас и накройся пледом.

Сам Кудрин устроился на диване в комнате, где сиротливо мигала разноцветными огнями искусственная елка за три тысячи сто рублей. Он выключил свет, оставив только мигающие огоньки, и закрыл глаза. Дом был новый, соседей в нем встречало Новый год не так уж и много. К четырем часам утра все стихло. Лишь отдаленные петарды в соседнем дворе разрывались взрывами гранат и напоминали ему о битве, которую еще предстоит провести для того, чтобы вновь завоевать расположение Верочки. Он прислушался к шороху из спальни, который вскоре стих. И оба неудачника погрузились в глубокий сон.

Их одновременно разбудил требовательный звонок в дверь. Кудрин протер глаза и уставился на часы. Они показывали три часа дня, об этом красноречиво свидетельствовали солнечные лучи морозного января наступившего Нового года.

– Олимпиада! – закричал Максим и распахнул дверь в спальню. – Какого черта ты, вы, не завела будильник?! – Полуголая Олимпиада сидела на матрасе и моргала глазищами. – Что за дурацкая привычка раздеваться перед сном?! – ревел Кудрин, на ходу натягивая на себя брюки. – Прикройся! Только не Верочкиным халатом. Если это пришла она, то мне конец. Сиди тихо и не высовывайся. – Кудрин проскакал в одной брючине к двери и открыл ее.

Олимпиада подскочила и попыталась найти свою одежду, разбросанную по спальне. Джинсы она нашла сразу вместе с шубой, а вот «пищащая» блузочка, купленная за бешеные деньги и оттого весившая не больше ста граммов, затерялась среди нераспакованных коробок. Она с отчаянием глянула на халат и передернула плечами. Уж лучше голой, чем в ее халате. Эта истеричка устроит очередной скандал.

В комнате тем временем раздавался женский голос. Липа прислушалась, но гостья говорила тихо, ругаться не собиралась, Кудрина не била. Возможно, это была не Верочка. Или все же она, но уже простившая своего ветреного жениха и вновь воспылавшая к нему прежними чувствами. Голос раздавался все ближе и ближе со спальней, Олимпиада напряглась и попыталась подобрать себе более-менее подходящее алиби, если все же Верочка ворвется сюда и застанет ее сонной. Неадекватные ревнивые особы порой способны на страшные кровавые дела. Уж Липа-то знает, она беседовала с парочкой уголовниц, которые укокошили своих соперниц только из-за одного подозрения. Ничего хорошего в ее светлую голову не пришло. Потому, как только дверь спальни распахнулась, Липа заорала на всякий случай:

– Не виноватая я! Он сам… – И осеклась. На пороге стояла пожилая дама в бархатном старомодном костюме с большим шифоновым бантом под горлом и таращилась на нее, как на кенгуру в зоопарке.

– И как, сынок, ты объяснишь это? – Дама ткнула пальцем в Липу, обращаясь к Кудрину, который возник в дверном проеме из-за ее плеча.

– Это? – пролепетал Максим, судорожно сглатывая слюну. – А это, мама, хм, – он подавился и закашлялся: – Это, мама, Верочка!

– Что?! – вскричала Липа, испуганно заметавшись по спальне. – Верочка?! Где?

– Да ладно, – нарочито расхлябанной походкой Максим подошел и обнял Липу за голые плечи. – Я давно хотел вас познакомить. Знакомьтесь! – И он сделал широкий жест в сторону праздничного стола.

Разговор среди вчерашних объедков не получался. Хотя Липа, прикрытая полотенцем, въезжала в обстановку не так мучительно долго, как пожилая дама, для которой появление в квартире сына незнакомой девицы с подбитым глазом в раздетом виде стало настоящим шоком. Кудрин достал их холодильника бутылку шампанского и торжественно поставил ее на стол, сообщив дамам, что они будут пить исключительно за дружбу. Олимпиада вздохнула и отказалась.

– Я больше не могу, – призналась она, – голова и так чугунная. Вообще-то я совсем не пью! – Она спохватилась, поймав на себе пристальный взгляд Серафимы Павловны, как ей представилась сама дама. – Нисколько и никогда. У меня аллергия на спиртное, – соврала Липа, не краснея.

– Да, – тут же поддержал ее Кудрин, – ей нельзя. И вообще, Верочке пора на вокзал! Ты знаешь, мама, она настоящий трудоголик. У нее сегодня рабочий день. – И он подмигнул Липе.

– У меня? – Та, естественно, не поняла, было ли это настоящим подмигиванием или просто нервным тиком, и на всякий случай переспросила, уточнив: – Рабочий вечер? Я работаю…

– Вечер! Точно, у нее сегодня рабочий вечер, и ей нужно на вокзал, – нашелся тот.

– Вы что, подрабатываете в электричках? – подозрительно прищурилась Серафима Павловна.

– Ну да, – несла Липа первое, что шло на ум, – народным контролером! Ловлю зайцев!

– За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь, – многозначительно изрекла та, нисколько не поверив ни сыну, ни травмированной девице. – Впрочем, как раз сегодня спешу я. Меня Митрофан Ильич пригласил на прослушивание своей новой арии. Приятно было познакомиться, – сухо сказала мама Максима и поднялась.

– А как же шампанское? – растерялась Липа, понимая, что не только не понравилась пожилой даме, но и вызвала у той к себе стойкое отвращение.

– Я загляну к тебе вечером, – Серафима Павловна выразительно поглядела на мнимую Верочку, – нам нужно обсудить твои дела тет-а-тет. – Кудрин послушно склонил голову и пошел провожать маму.

Олимпиада никогда не попадала в подобное положение, знакомясь с матерями своих кавалеров. Чаще всего она нравилась пожилым дамам своим азартом, деловой хваткой и уве-

ренным поведением. К тому же Липа вовремя опускала невинные глаза, говорила матерям комплименты, восторгалась воспитанием их питомцев. Метод «двух в одном» срабатывал безотказно. На этот раз что-то вышло из-под ее контроля, что-то не получилось. Но раньше она никогда не являлась на смотрины с синяком под глазом и обмотанной в полотенце. Возможно, отрицательно сказался именно ее внешний вид. Но что ей оставалось делать?! Нужно было нацепить на тело Верочкин халат, а на нос – солнцезащитные очки.

– Зачем вы представили меня Верочкой?! – набросилась Липа на вернувшегося и заметно погрустневшего Кудрина. – Теперь ваша мама ее возненавидит и не захочет слышать ее имя всуе!

– По-твоему, – взбеленился тот, – я должен был признаться маме, что провел ночь с незнакомкой?!

– А что в этом такого? – искренне изумилась Липа. – Мужчины часто так делают и совершенно этого не стесняются. Они заносят незнакомок в список своих побед и хвастаются этим на каждом углу.

– У тебя превратное представление о мужчинах, – вздохнул Кудрин и ткнул вилкой в студень.

– Картошечки бы, – плотоядно глядя на еду, заметила Липа. – Я нажарю. Только мне нужно найти свою блузку. – И она исчезла в спальне, намереваясь перекопать все коробки, но найти необходимую вещь.

Для начала она легла на матрас и попыталась вспомнить, каким образом раздевалась вчера. Липа махала руками и внимательно оценивала траекторию предполагаемого полета ее блузки. Выходило, что она забросила ее в самую гущу коробок, и та, скользнув между ними, застряла в щели. Выудив блузку, Липа довольно оглядела ее, никаких прорех она не обнаружила, а помятость придавала блузке демократичный вид. Облачившись наконец-то по полной программе в свой привычный гардероб, Липа подошла к двери и остановилась. В комнате шел разговор. Кудрин говорил по телефону с… Верочкой. Липа замерла. Одна неверная реплика, и они больше никогда не помирятся. Ее раздирали черти, так хотелось крикнуть и передать Верочке привет, что Липа в испуге закрыла рот руками. Пусть голубки наговорятся, она не должна им мешать. К тому же Кудрин может отомстить и встрять в ее разговор со Станиславом, которому она должна, попросту обязана немедленно позвонить!

Впрочем, Кудрин снова молчал и слушал. Говорила Верочка, а он слушал и кивал сам себе головой. Та же не просто говорила, та изрыгала фразы, плевалась слюной в телефон, и Липе показалось, что Кудрин поспешно вытирал эти плевки, машинально проводя рукой по трубке. Верочка была в ярости. Она нисколько не успокоилась и посылала Кудрина на все четыре стороны. Тот спокойно выслушивал эти посылы и обреченно кивал головой. Олимпиада оставила свой рот в покое и демонстративно медленно прошлась перед Кудриным. Неужели он не понимает, что не должен так унижаться?! Мямля! Маменькин сынок! Бабский угодник! Нет, последнее не про него. Олимпиада решительно нажала на рычаг и прервала задушевную беседу, которая, по ее мнению, уничижала достоинство Кудрина. Он не стал сопротивляться и тяжело вздохнул, вернув трубку на место.

– Она никогда меня не простит, – простонал он, – никогда!

– Тем хуже для нее, – заявила Липа, нисколько не сомневаясь в своей правоте, – женщина должна уметь прощать. Тем более вы ни в чем не виноваты. Это я вломилась в вашу квартиру и уснула в спальне.

От раздавшегося в дверь звонка вздрогнули оба.

– Это не может быть Верочка, – прошептала Липа, – она бы не успела так быстро добежать. Скорее всего, это вернулась ваша мама. Что еще ей понадобилось? Добить меня своим тяжелым взглядом? – Она приосанилась и выпятила грудь, та теперь, слава богу, была облачена

не в полотенце, так что стесняться было нечего. Застать врасплох Олимпиаду не удастся! Она оттолкнула испуганного Кудрина и подошла к двери сама.

– Вам нужно сделать глазок на дверь, – заметила Липа, – еще есть современные системы с видеокамерами. Сейчас мы бы знали, кто там ломится, и могли бы не пускать его в квартиру.

– Пусти, пусти! – обреченно махнул рукой Максим, приготовившийся к худшему.

– Я так и не получу в этом доме жареной картошки! – высказалась Липа и звякнула защелкой. – О! Максим, это не ваша мама!

На пороге стояла незнакомая ей дама и переминалась с ноги на ногу. Она была достаточно молода для того, чтобы соблазнить какого-нибудь пенсионера-льготника, но одевалась слишком вызывающе. Как определила Олимпиада, ее прикид был сплошным унисексом с ярко выраженной подростковой направленностью. Дама взлохматила свои коротко остриженные седые волосики и извиняющимся тоном поинтересовалась, нет ли у Кудрина сигаретки.

– С Новым годом! С новым счастьем! Такой лом бежать в магазин, – заявила престарелая красотка, – а курить хочется так, что нет никаких сил противиться этой вредной привычке. – Дама в упор не замечала Липу, пока та полностью не заслонила собой вид в дверную щель и Кудрина в глубине комнаты не стало видно. – Ой, Макс, а вы не одни? Надо же, я помешала! Я могу уйти, если у вас ничего нет…

– Верочка! – Липа решительно протянула даме руку. – С новым и вас счастьем. Все есть. Я курю, пью, сплю в постелях чужих мужчин и не нравлюсь их мамашам.

– Роза Викторовна, – с готовностью протянула руку дама. – Это очень хорошо, что вы такая порочная особа. Мне так повезло!

– Вам-то в чем повезло?! – изумился Кудрин, оттесняя Липу от двери. – И никакая она не Верочка.

Липа хмыкнула и отправилась за сигаретами. Раз уж Максим не приглашает даму в квартиру, значит, на то у него есть свои причины. Но даме она поможет, поделится насущным, где-то у нее еще оставалось несколько сигарет, найти бы только.

– Не нужно этого стесняться, – пронзительно зашептала Роза Викторовна. – Молодежь нынче пошла такая активная, пытается испробовать все на свете. Я так жалею, что в этом возрасте многое себе не позволяла и была синим чулком. Приходится в более зрелые годы наверстывать упущенное. Я вот с этого нового года решила начать курить сигареты. Представляете, все обычно бросают эту вредную привычку, а я решила начать курить! А сигареты купить забыла. Кефир купила, а сигареты нет. Как хорошо, что у вас, Макс, оказалась такая порочная подруга. Не волнуйтесь, Макс, вашей маме я ничего не скажу.

– Мама знает, – трагически произнес тот и гордо тряхнул каштановыми волосами, ударившись затылком о косяк. – А она на самом деле не Верочка!

– Что вы говорите?! – не поверила соседка. – И что? Ой! Я снова бесцеремонна.

– Да ладно, – ответила за него подошедшая Липа, – какие тут уж церемонии разводить. Вот, все, что осталось. Сами понимаете, что после бурно проведенной ночи рассчитывать на большее не приходится. – И она показала даме единственную сигарету, разломанную четко пополам. – К сожалению.

– Ничего, – Роза Викторовна с энтузиазмом отъявленного наркомана выхватила сигарный огрызок. – Я как-нибудь уж приспособлюсь. Начинать так начинать. Я же дала себе слово. Максим, – ее голос дрогнул, – а выпить у вас ничего не найдется?! Я с этого года решила начать пить горькую. Но забыла купить в магазине. Кефир, понимаете, купила…

– Есть водка и шампанское, – пробормотал Кудрин, понимая, что с соседкой случилась беда.

– Лучше водки! – заявила Роза Викторовна и бросилась без приглашения в комнату к столу.

– Что вы заладили, что я не Верочка? – недовольно прошептала Кудрину Липа. – Ей все равно, кто я. Представьте меня Екатериной Великой, и она поверит. У вашей соседки, по-моему, крыша поехала.

Роза Викторовна тем временем устроилась за праздничным столом и попыталась закурить от оставленной там Липой зажигалки трофейный огрызок. Было очевидно, что пользоваться зажигалкой она не умеет. Липа наклонилась к ней и помогла прикурить. Кудрин, внимательно наблюдая за разворачивающимся действом, присел к столу и задумался о том, что делать с маминой подругой, внезапно лишившейся рассудка. Роза Викторовна не позволила ему стать сторонним наблюдателем и потребовала водки. Кудрин ей налил в одноразовый стаканчик и наполнил свой стакан. Роза Викторовна потребовала, чтобы Липа выпила вместе с ними, припомнив той, что Верочка – фактически падшая женщина, и лишний стакан водки ей не помешает. После тоста Кудрина «За дружбу!», она выпила и выскочила из квартиры, на ходу пытаясь курить.

– Что это было?! – недоуменно поинтересовалась вновь нетрезвая Олимпиада.

– Ее бросил очередной жених. Роза Викторовна никогда не была замужем, но не теряет надежды. Нужно позвонить маме, это ее лучшая подруга.

– Не нужно звонить маме, мне сейчас только вашей мамы не хватает, – испуганно воспротивилась Липа, закусывая водку лимоном. – Зря я пила.

– А! – Кудрин помотылял у нее перед носом указательным пальцем. – Я же говорил, что ты – алкоголичка и не в силах сдерживать свои порывы. Или тебя тоже бросил жених, и ты потеряла надежду?

– Еще чего! – возмутилась Липа и щелкнула пультом управления. Плазменный экран тут же показал титры до боли знакомого фильма. – Каждый раз одно и то же. Мне нужно ехать! Иначе к вечеру с вашими импульсивными гостями я стану не транспортабельна.

– Отличная идея! – обрадовался Кудрин. – Сейчас же отправимся на вокзал! Электрички ходят каждые полчаса. Или один раз в час, но это не важно. Можешь погулять на свежем воздухе и немного охладиться. Восстановить силы перед встречей с женихом.

– Ну-ну, – усмехнулась Липа. – Вам тоже рекомендую набраться сил перед встречей с бывшей невестой. Странно, что она еще не прибежала! – Липа поднялась и направилась за своей шубой. Задерживаться в этом дурдоме дольше она не собиралась.

Радостный Кудрин торжественно провел непрошеную гостью в коридор, ерничая на каждом шагу. Олимпиада не обращала на него внимания и пыталась отыскать свою сумку, которую бросила, выудив оттуда обломанную сигарету. Сумка валялась на своем привычном месте – под телефонной тумбочкой, и Липе пришлось нагнуться для того, чтобы ее оттуда достать. Кудрин стоял рядом с ней и подтрунивал над ее женихом. Внезапно входная дверь распахнулась и сбила его с ног. Кудрин упал на Липу, согнувшись пополам.

– А! – взревела военной сиреной вбежавшая Верочка. – Так вы уже и в коридоре этим занимаетесь?!

– Ты нас не так поняла, – прошептал Кудрин, отпуская руку, которая машинально в поисках опоры схватилась за бедро согнутой Олимпиады.

– Еще бы! При виде такого, – Верочка округлила злые глазки, – и ничего не понять! Развратник и куртизанка! – И она выскочила из квартиры, хлопнув дверью.

– Если она придет еще раз, то вам придется менять металлическую дверь, – сказала Липа, распрямляясь и скидывая его вторую руку со своего бедра.

– Она больше не придет, – прошептал тот и сел на телефонную тумбочку.

– Тогда я смогу с чистой совестью поздравить вас с новым счастьем. – Липа накинула на себя шубку и тоскливо поглядела на Кудрина. – Не стоит так расстраиваться. Импульсивные люди обычно очень отходчивые. Поверьте мне, она не оставит вас в покое. Кстати, как и ваша

родительница. – Липа кивнула головой в сторону лестничной клетки. Было отчетливо слышно, что там кто-то, тяжело дыша, поднимался по лестнице. – Нужно было закрыть дверь на замок.

Кудрин вскочил с намерением это сделать, но опоздал. В квартиру вломился очередной непрошеный гость. На этот раз им оказался неизвестный мужчина приятной наружности с лицом и фигурой Кена, и Липа вздохнула от облегчения.

– Макс! Спасай меня! – закричал мужчина вместо поздравлений и моментально закрыл за собой дверь за все замки и щеколды. – Она пасет меня целый день, я еле вырвался из дома! О, да ты не один! С новым счастьем вас, девушка! – Незнакомец приник к двери и замер, показывая пальцем, что та, от которой он скрывался, стоит под дверью. Он повернул к Липе свое перекошенное в ужасе лицо и провел ребром ладони по шее. Незнакомец хотел этим сказать, что сейчас решается вопрос его жизни или смерти.

Липа скинула шубу, сунула ее вместе с сумкой Кудрину, подтолкнула к нему незнакомца, который явно был с Кудриным знаком, и вытолкала мужчин в комнату. Как раз в эту секунду в квартиру позвонили.

– Добрый день, – Олимпиада обратилась к странной молоденькой особе, лицо которой было искажено от злости. – Вам кого?

– Подлеца и негодяя! – выкрикнула девица и попыталась оттеснить Липу. Но не тут-то было.

– Здесь его нет! – заявила она и толкнула девицу на место.

– А откуда вы знаете, что я его ищу? – подозрительно прищурилась та, остановленная разговором с незнакомкой. – Вы же не Верочка! А кто вы?

– Кроме меня, в квартире больше никого нет, – соврала Липа, – а себя подлецом и негодяем я не считаю. И, естественно, я не Верочка. Я хозяйка квартиры, в которую вы ломитесь.

– Я слышала, как он забежал сюда! – заявила девица и принюхалась, как натасканная гончая, идущая по следу. – Это аромат его туалетной воды!

– Вы ошибаетесь, – сухо заметила ей Липа и принялась закрывать дверь.

– Тогда передайте ему, – запыхтела девица, – что я рожу от него ребенка!

Липа остановилась. Получается, она действительно спасает подлеца и негодяя? Вот это номер. Но этот подлец знает Кудрина, а подвести Максима в очередной раз она не сможет. Это будет чересчур.

– Вы беременны? – поинтересовалась она у девицы.

– Еще нет, – призналась ей та, – но скоро буду!

И Олимпиада с чистой совестью захлопнула перед ее носом дверь. Пусть разбираются без нее, когда она уедет в свои Петушки. Липа постояла немного перед дверью, слыша, как девица хлюпает носом и кому-то звонит, уточняя номер квартиры. После звонка, скорее всего, подтвердившего ее версию о том, что квартирой она все-таки не ошиблась, девица затрезвонила снова.

– Что еще? – неприветливо поинтересовалась Липа, глядя на перекошенное личико, которое к этому времени покрылось красными пятнами. – Шли бы вы домой, девушка, приняли бы успокоительное…

– Это та квартира! – заявила девица. – И вместо вас должна быть Верочка!

– Квартира та, – согласилась с ней Липа, – но дом другой. Помните фильм «Иронию судьбы»?

– Дом другой? – задумалась девица. – Но у нас в городе одна такая многоэтажка.

– Бедняжка, – пожалела ее Липа, – значит, вы перепутали город! Нет здесь никаких Верочек.

Обескураженная девица задумалась и пошла по лестнице вниз. Липа улыбнулась ей вслед и закрыла дверь. Теперь можно было надеяться, что в ближайшие полчаса, пока голова проведет мозговой штурм, псевдобеременная не побеспокоит незнакомца.

Мужчины сидели за столом и напряженно молчали. Незнакомец, увидев Липу в гордом одиночестве, позволил себе немного расслабиться и заговорил первым:

– Девушка! Огромное вам спасибо! Вы меня фактически спасли от неминуемой гибели.

– Я отвратительно поступила, – призналась Липа, – бедная девушка хочет родить от вас ребенка!

– Только через мой труп! – заявил незнакомец, вскочил со стула и принялся нервозно расхаживать по комнате. – В ближайшее время я не собираюсь жениться или обзаводиться детьми. Кстати, Макс, как твоя помолвка? Состоялась? А где Верочка?

– Верочки больше нет, – с горечью произнес Максим и опустил голову.

– Она умерла?! – обомлел незнакомец и осел мучным кулем на стул.

– Для меня – да, – продолжал трагическую речь Кудрин. – Вернее, я для нее умер.

– Хватит слюзить, – заявила Липа, – просто она нас застукала в слишком интимной позе, хотя ничего подобного мы делать не собирались.

– Понятно, – процедил незнакомец, – это хорошо. Мне Верочка не нравилась. Нервная она какая-то. – И он с тревогой обернулся на входную дверь.

– Мне пора на вокзал, – сказала Липа, забирая свои вещи.

– Ни в коем случае! – закричал незнакомец и выхватил у нее шубу с сумкой. – А если она вернется?! Вы должны довести это милосердное дело до конца!

– Действительно, – сказал Кудрин, глядя в стол, – останься, Липа, еще ненадолго.

– Липа?! – встрепенулся незнакомец, решивший во что бы то ни стало остановить Липу. – Какое редкое имя! И благодаря кому вы его получили? – Он поцеловал Липину ладонь и усадил ее за стол.

– Глупо отвечать на этот вопрос, – уточнила Липа и ответила: – Мама меня так назвала в честь Московской олимпиады, так что о возрасте можете уже не спрашивать.

– Какая у вас чудесная мама! Давайте познакомимся! – прыгал на стуле возле нее незнакомец.

– Зачем вам знакомиться с моей мамой?! – испугалась та.

– С ней – потом, сначала с вами, прелестная незнакомка Липа! – Он встал и представился: – Виктор Белоусов! Лучший друг этого замечательного во всех отношениях человека, который сейчас сидит перед вами и совершенно не страдает по поводу завершения своих отношений с Верочкой! Макс! Страдать по одной даме в присутствии другой – это дурной тон.

– Очень приятно, Виктор, – ответила Липа. – Только вы не поняли, между нами действительно ничего нет. Получилось так, что я ошиблась квартирой перед самым боем курантов.

– Нет, везет же некоторым, – сокрушенно сказал Белоусов, – лучше бы вы ошиблись моей квартирой!

– То есть, – внимательно поглядела на него Липа, – вы верите, что такое может случиться?

– А почему бы и нет? – пожал плечами Виктор. – В прошлом году меня забыли под соседской елкой! Хорош же я был, когда протрезвел хозяин квартиры и наткнулся на свою жену!

– А ее где забыли? – заинтересовалась Липа.

– Там же, черт возьми! Вместе со мной! Самое обидное, что между нами ничего не было! Кстати, как ваш глаз? Не болит? Максим, у твоей мамы есть же прекрасная мазь от ушибов.

– Только не нужно приплетать сюда его маму! – испугалась Липа. – Пойду и пожарю картошки!

Она встала и направилась на кухню. Ей нужно было побыть одной и подумать, рассказать ли Стасу правду или все же умолчать о некоторых пикантных подробностях. Ведь есть же мужчины, которые верят тому, что под Новый год вполне можно ошибиться квартирой, домом и городом! Про город она, правда, Виктору так и не сказала. Зато сейчас ему все расскажет Кудрин. Мужчины еще большие сплетники, чем слабый пол, особенно в тех случаях, когда

дело касается женщин. Они-то не избегают пикантных подробностей, смакуя каждую из них по нескольку раз. Впрочем, Виктор ей нравится как человек.

Липа на мгновение замерла и прислушалась. В комнате не умолкали мужские голоса. Ничего, пусть посовещаются, обменяются мнениями, а потом она выйдет и расколет их на отдельно взятом у каждого интервью. Уж это она умеет, этому ее отлично научили, в этом деле она – профессионал. Липа вернулась к раковине, надела висевший на кухне фартук и принялась чистить картошку.

Новый год по праву считается праздником салата оливье, который на самом деле таковым не является. Стол – не праздничный стол, если на нем нет сырокопченой колбасы, мандаринов и шампанского. Салаты, икра и другие изыски – все это Липа вполне допускала в ночь празднования Нового года. Но вот первого января ей всегда хотелось жареной картошки. Этим блюдом она себя не баловала, на протяжении всего года приходилось скидывать лишние килограммы и забыть о жареном. В ночь оливье блюду с жареной картошкой не удивился бы только слепой, глухой и одновременно потерявший нюх россиянин. Зато первого числа можно было оторваться по полной программе.

Картофеля у Кудрина оказалась вполне достаточно, и вскоре на сковороде потрескивала подсолнечным маслом значительная его часть, медленно, но верно приобретая хрустящую корочку. Липа посолила картошку и дала себе слово, что бы ни случилось, она ни за что не уйдет, пока все не съест. Иначе новый год для нее так и не начнется. Полцарства за жареную картошку!

Она как чувствовала. Раздался звонок в дверь, и на кухню забежал взволнованный Виктор.

– Она вернулась, Липа! Спасай!

Липа прикинула. Получалось точно, как она и предполагала. Девица раскинула мозгами, поняла, что ее накололи, и вернулась. Она вздохнула, набрала в грудь побольше воздуха и пошла открывать, намереваясь нападением предупредить вражескую атаку.

– Что тебе надо?! Достала уже! – Липа распахнула дверь и замерла.

– Ах, так! – вскричала Верочка. – Она уже ходит в моем фартуке и командует парадом?! – Верочка фыркнула и побежала вниз по лестнице.

– Она приходила?! – поинтересовался Виктор, когда расстроенная Липа вернулась в комнату.

– Она, – подтвердила та и виновато поглядела на Кудрина.

– Что? – предчувствуя неприятности, спросил тот. – Что еще случилось?!

– Приходила Верочка, – призналась Липа, – увидела меня и убежала.

– Тебе не нужно было открывать! – закричал Кудрин и побежал в коридор. – Я так и знал!

Он распахнул дверь и позвал Верочку, но одинокое эхо погуляло по лестничным пролетам и вернулось к нему обратно.

– Она обязательно придет снова, – попыталась утешить его Липа. – Или сходите к ней сами, когда она немного успокоится. Думаю, лучше всего сделать это ночью, у нее все равно на нервной почве будет бессонница. К этому времени я точно уеду! – И она укоризненно посмотрела на Виктора.

– Кто же знал, что она вернется? – развел тот руками.

– Женщины всегда возвращаются! – заявила Липа и оказалась настолько права, что опешила. По лестничной клетке грузно, с трудом преодолевая ступеньки, поднималась Серафима Павловна. Ее пальто было расстегнуло, и оттуда маячил тот же бархатный костюм с шарфом на шее. – Прямо какой-то дом свиданий, – пробормотала она и отступила назад на кухню.

Сидеть на кухне целую вечность не хотелось, как и показываться вредной мамаше. Липа съела целую тарелку жареной картошки и сыто улыбалась сковородке, которая нисколько не опустела. С другой стороны, а что она теряет, кроме своего жениха, который ждет не дождется

ее возвращения! Липе давно пора ехать на вокзал, она и так здесь слишком долго задержалась, кому-то помогла, кому-то насолила еще больше. Пора возвращаться, пора! Липа решительно встала и зашла в комнату.

Серафима Павловна сидела на ее месте за столом и мило беседовала с Виктором. Ее морщинистое лицо покрылось глубокой тенью, когда она увидела Олимпиаду.

– Вы еще здесь?! – резко спросила мама Кудрина. – Я думала, что вы уже покинули моего сына!

– У вас плохо обстоят дела с соображаловкой, – нагло заявила та и обратилась к Виктору: – Снимите с ее шеи шарф! Он перекрывает доступ кислорода к мозгам! С новым счастьем всех вас!

Кудрин поперхнулся и закашлялся, как догадалась Липа, это у него теперь войдет в привычку. Виктор попытался спрятать улыбку от удачного экспромта Липы в ложке с салатом. Сама же Серафима Павловна открыла рот, но так и не нашлась, что ответить нахальной девице, посягнувшей на ее сына.

Зато Олимпиаду больше никто не задерживал! И она не собиралась задерживаться в этой квартире ни на секунду, пусть сюда валом валят Верочки, небеременные девицы, странные соседки и вредные мамаши. Ей отныне будет все равно, что еще случится в этом провинциальном городке, где вместо привычного памятника вождю пролетариата умудрились поставить памятник великому композитору! Теперь ей все равно. Она никогда сюда не вернется. Родные Петушки, где же вы?! Стасик, любимый, сейчас она прилетит к тебе на крыльях пригородной электрички! Вика Наумова, бедная Вика, как же ты там без своего знаменательного интервью?! Липа поймала такси и попросила довезти ее до вокзала. Город подмигивал ей иллюминацией разноцветных огней, прощаясь с непрошеной гостьей.

Глава 3
Металлические двери нынче дороги

Родной город встретил блудную дочь глубокой ночью, когда все благоразумные люди уже спали. Но Липа себя к ним не относила. После совершенного ею поступка она готовилась выслушать все, что касается ее легкомыслия и глупости от Станислава Дружинина, ее кавалера и жениха, который до недавнего момента считал их отношения серьезными и ведущими прямой дорогой в загс. Продолжал ли он так считать и дальше, Олимпиада сомневалась. Трясясь в рейсовом автобусе практически в полном одиночестве, если не считать хмурого водителя, она прикидывала план дальнейших действий.

Итак, что Олимпиада имела в плюсах? Первое – то, что она все-таки вернулась! Второе – целой и невредимой (синяк под глазом она замаскирует тональным кремом). Третье – она продолжает любить Станислава. Минусов было гораздо больше, и считать их сразу расхотелось. План Липа продумала до мельчайших подробностей, благо что автобус еле ехал за снегоочистительной машиной по всему маршруту. Значит, так, она сейчас придет домой и завалится спать. А утром первым делом позвонит Станиславу и томным чарующим голосом пригласит его к себе, где оправдается, соблазнит, наобещает и тому подобное. Главное, одеться нужно как можно сексуальнее, плотнее зашторить окна, чтобы синяк сразу не бросился ему в глаза, и поставить горячительные напитки с хорошей закуской. Последнее она приготовила заранее к празднованию Нового года, так что за содержимое холодильника Липа не переживала.

Когда одурманенный прелестями подруги и алкоголем, который действует на него совершено расслабляюще, Стас успокоится, можно будет рассказать ему про сложное ответственное задание, на выполнение которого она ездила к черту на кулички, как назвал свой город один ее знакомый незнакомец. Правда, перед этим лучше созвониться с главредом и договориться о своем алиби. Но это уже мелочи, все основное она продумала.

Липа вставила ключ в замок своей квартиры и улыбнулась. Надо же, прошлая ночь была как будто в ином измерении! Она снова у себя дома. Вот дешевая шведская мебель, искусственная елка за три тысячи рублей, телевизор. Ну, конечно, не такой навороченный, как у Кудрина, но Липа подкопит и обязательно купит такой же. Она разделась и прислушалась, ожидая, что из спальни выскочит Максим и накинется на нее с обвинениями. Славный мужик, другой на его месте убил бы Олимпиаду. А этот ничего, перекантовался с ней весь праздник. Впрочем, она не вешалась ему на шею и предпринимала попытки к бегству, которое удачно осуществила. Пусть расхлебывает сам заварившуюся кашу, у нее отныне свои проблемы. Липа прослушала автоответчик на телефоне: через каждое поздравление от родных и знакомых прорывался свирепый голос Станислава, чем больше было поздравлений, тем грознее звучал его голос. Ничего, завтра она с ним разберется. Липа зашла в пустую спальню, скинула с себя одежду и юркнула под одеяло на свой надувной матрас, временно служивший ей кроватью.

Лето прорвалось сквозь морозную зиму совершенно внезапно, и на снегу расцвели одуванчики. Они неестественно желтели на белом ковре и покачивали своими хрупкими головками в такт Липиным шагам. Ноги проваливались в глубоком рыхлом снегу, но она упорно шла и рвала одуванчики. Неожиданно поднялась метель, обдавшая ее колючими снежинками, и от желтых цветов остались одни воспоминания. Снег лез в рот, глаза, уши и не давал идти прямо. Липа плевалась от назойливых снежинок, которые отчего-то растаяли и превратились в воду, окатив ее с головы до ног…

– Она еще плюется?! – раздался возмущенный голос. – Олимпия! Сейчас же открой глаза и очнись от своего безумства! – бушевал Станислав, склонившийся над сонной невестой.

Липа подчинилась разумному требованию и открыла глаза. Сверху над ней стоял жених с чайником в руках. Теперь понятно, отчего снежинки в одночасье растаяли. Понятно и про одуванчики и снегу: в мае они собирались официально расписаться! Липа виновато улыбнулась. Весь план летел в трамтарарам! Станислав пришел сам, она же сама дала ему ключи от квартиры, дура! И как же теперь выкручиваться?!

– Что у тебя под глазом?! – опешил тот, вглядываясь в помятое лицо любимой.

Если какая-нибудь двадцатисемилетняя девушка скажет, что с утра она выглядит так же прекрасно, как вечером, не верьте ей. Особенно после перенесенных празднеств. Липа с тоской поглядела на свой арсенальный запас косметики, примостившийся на подоконнике, и театрально всхлипнула.

– Такое сложное задание, Стасик! Ты не поверишь, – она встала и чмокнула в его небритую щеку.

– Не поверю! – заявил тот и пристально проследил за Липой, занявшейся поисками халата. Среди многочисленных еще не распакованных коробок эти поиски были тщетными.

– Может, – Липа старалась как можно меньше поворачиваться к жениху лицом, – сваришь кофейку? А я пока выполню необходимые гигиенические процедуры.

Станислав плюнул себе под ноги, развернулся и вышел. После чего вернулся снова, поглядел на Липу, помахал указательным пальцем у ее носа и вышел опять. Она быстро натянула на себя первое, что попалось под руку, и залезла в карман шубы за мобильником. Судьба отнеслась к ней благосклонно, как ни странно, он там лежал. Спрятав телефон в нижнем белье, Липа на цыпочках направилась в ванную комнату. Там она открыла краны, на всякий случай пару раз слила воду в унитазе и набрала номер главреда.

– Сан Саныч, – отчаянно шептала Липа, – это я! Олимпиада Кутузова!

– А, – раздался на «обратном конце провода» сонный голос, – отыскалась плопажа! – Главред не выговаривал букву «р», что не мешало ему отчитывать своих подчиненных «по полной плогламме».

– Он вам звонил?! – испуганно спросила Липа, безвольно опускаясь на унитаз.

– Твой-то? Конечно, – совершенно безразлично ответил главред, не понимая, в чем, собственно, дело.

– И что вы ему сказали?! – в ужасе лепетала она, догадываясь о том, что тот мог наговорить Стасу.

– Что у тебя, Кутузова, важное и ответственное задание на тлидцать пелвое число, – напомнил ей главред. – Ты должна была сделать лепольтаж с новогоднего утленника в детском саду «Чебулашки»! Ты была в «Чебулашках», Олимпиада?!

Соврать про «Чебурашек» Липа не смогла, дети – святое. Вместо детского сада корреспондент еженедельника «Неделька в Петушках» просидела в столичном ресторане, провожая подругу в последний путь – замуж. Детей она решила оставить на потом, дети есть и будут всегда, а подруга может и не выйти в очередной раз замуж. Пришлось юлить и изворачиваться.

– Почти, – прошептала Липа, – а что вы ему точно сказали, Сан Саныч?!

– Так и сказал, Кутузова, что послал тебя к чебулашкам! Не забудь, что у тебя завтла ответственная встлеча с дилектолом жилищного хозяйства. Поинтелесуешься количеством мусола, оставленным жителями голода после плазднования новогодней ночи на голодской площади!

– Сан Саныч, – взмолилась Липа, – я не могу интересоваться завтра мусором! Можно перенести встречу на более поздний срок?

– Вот еще выдумки! Чем больше слок, тем больше мусола. Мы не должны показывать наших земляков полными засланц… неляхами. Готовься, Кутузова, к мусолу.

– Сан Саныч, – простонала Олимпиада, представляя наяву картину, как она входит в кабинет к щеголеватому начальнику жилищного хозяйства с подбитым глазом. Позор! Она

ведь строила из себя гламурную фифу, и вдруг такой казус. Нет, она не может пойти на это интервью! – Сан Саныч, я не в форме, – призналась она главреду. Тот озадаченно замолчал. И Липа попыталась взять быка за рога, с места, так сказать, в карьер, – у меня фиолетовый фингал под глазом, который нельзя замазать ни одним тональником.

Выпалив признание на одном дыхании, Олимпиада замерла.

– Послать к жилищнику Огулцова? – раздумывал главред вслух. – Так он же в плошлый лаз плигвоздил дилектола к стулу известием о том, что на полигоне бытовых отходов докопался до его темных делишек. Ладно, пусть Огулцов копает мусол дальше. Пойдешь к феминисткам, Кутузова. Там твой фиолетовый глаз найдет хоть какое-то оплавдание. Скажешь, постладала от жениха-злодея.

– Только бы вы не накаркали, – охнула Липа и отключилась.

Она наскоро привела себя в порядок, огорченно вспоминая, что собиралась с этого нового года начать чистить зубы, как и советуют врачи, не менее трех минут, раздирая десны колючей щеткой. Впрочем, Липа собиралась с этого года бросить курить, этого потребовал Станислав. Как он выражался, ему было неприятно целоваться с пепельницей. Впервые за те годы, что они встречались, Липа подумала о том, что если он не хочет, то пусть и не целуется с ней. Но это было больше похоже на обиду из-за чайника. Липа вытерла полотенцем лицо и направилась на кухню, собираясь улыбаться и радоваться.

– Я бы на твоем месте не был бы так оптимистичен в прогнозах наших дальнейших отношений, – заявил Станислав, размешивая сахар со сгущенкой в ароматном напитке, который приготовил сам.

«Вот тебе и раз, – подумала Липа. – Не хочешь – не целуй!»

– Ты ведешь себя совершено неадекватно! – На лице жениха ходуном заходили желваки. Было видно, что нормальное, спокойное поведение дается ему с большим трудом. Если он разукрасит Липе еще один глаз, то ее шансы на сострадание со стороны женщин-феминисток только возрастут. – Назначаешь встречу и пропадаешь у каких-то чебурашек! Что все это значит? Кто такие чебурашки?

– Это, – мозг девушки сосредоточенно подыскивал варианты ответа, – кодовое название операции.

– Что?! Какие операции могут быть в вашем задрипанном еженедельнике?! Или тебя перевели на уголовную хронику в одну из центральных газет?! Олимпия! Дай разумный ответ, иначе я не ручаюсь за наши дальнейшие отношения. Но виновной в этом будешь ты! Допей кофе и ответь.

Станислав всегда был благоразумным человеком. Липа отпила горячий обжигающий кофе и внимательно посмотрела на своего жениха. Привлекательный блондин на крутой иномарке. Бизнесмен. Девчонки выли от зависти, когда Липа подцепила его в одном из местных клубов. Нет, познакомились они раньше в Доме престарелых. Там и была их первая встреча. Дружинин увидел Липу и влюбился, как он сам признавался, с первого взгляда. Естественно, среди беззубых старушек Липа была вне конкуренции. Она присутствовала там в качестве корреспондента, а он – благотворителя. А заговорил с ней Дружинин в клубе на вечеринке, посвященной Дню печати. Как давно это было! Липа улыбнулась, они выглядели такой хорошей парой. Все портила только полная схожесть характеров, оба были волевые, самостоятельные и имели далеко идущие планы. Совсем недавно они планировали свою семью! Неужели их счастье может быть перечеркнуто одной ночью, пусть даже и самой знаменательной в году?! Липа поперхнулась и закашлялась, ей сразу вспомнился Максим Кудрин. Неужели это заразно, и она заболела?

– Так что же ты решила? – Брови Станислава образовали глубокую складку над переносицей.

– Хочешь верь, хочешь не верь. – Липа отставила чашку и решила врать, как могла. – Важное задание подразумевало слежку. Нужно было выследить объект до определенного места, поэтому я отправилась в другой город и там задержалась. Но как только смогла, я вернулась!

– Ты следила за чебурашками?! – разозлился Дружинин, и его желваки снова задергались. – Издеваешься надо мной?! Да? Задержалась с объектом в другом городе?! Да ты небось пьянствовала с Элькой, которую наконец-то хоть кто-то вознамерился взять замуж.

Липа опешила оттого, что Стас знает ее так хорошо, как никто другой.

– Не смей так говорить о моей подруге! – Ее терпение тоже могло лопнуть в любой момент. Ведь следом за Элькой он и ее припишет к старым девам. – Да, Элька устраивала девичник. Но после него я выполняла задание! – Липа почувствовала себя партизаном на допросе. Не хватало лишь аппарата, который меряет пульс и выносит вердикт: врет подозреваемый или говорит истинную правду. Липа, когда врала, всегда переживала, сердце начинало биться сильнее обычного. Ей бы не повезло, детектор лжи уличил бы ее в этой самой лжи. На этот раз в качестве детектора выступал ее жених. Он прищурился и сказал:

– У тебя глаза бегают! Особенно тот, подбитый.

– Ему бы и не бегать, – фыркнула Липа, – он пострадал за правое дело феминизма, между прочим!

– Что?! – опешил Станислав. – Чебурашки были феминистками, и они тебя били ногами?!

– Ты всегда понимаешь меня превратно, – сделала обиженное личико Липа. – Милый, но разве ж это важно?! Вот я здесь, вся такая несчастная и уставшая. А завтра мне снова идти на задание!

– Надеюсь, завтра ты не потеряешься на два дня, – рассудительно заметил Дружинин, – я собирался познакомить тебя со своей мамой. Если тебе подобьют другой глаз, ей будет тяжело поверить в чебурашек. Впрочем, она всегда противилась нашему союзу. Лучше тебя ей пока не показывать. И прекращай врать, – он устало отмахнулся от Липы, – я звонил Скороходовой, и та призналась, что вечер вы провели вместе. Если тебе было стыдно показывать мне свой синяк, то это, по меньшей мере, просто глупо. На следующий день Элька сказала мне, что ты плохо себя чувствуешь и спишь.

Липа мысленно поблагодарила подругу за предоставленное так вовремя алиби.

– Надеюсь, – повторился Дружинин, – ты спала одна. – И он пристально посмотрел ей в глаза.

– Клянусь! – торжественно сказала Липа, встала и сложила руки на груди. – Ничего такого не было!

На этот раз детектору лжи не к чему было придраться. Ведь действительно, а что, собственно, было-то?

– Вот и хорошо, – Станислав, как ей показалось, успокоился. Он собирался еще что-то сказать, но его перебила трель телефонного звонка. Жестом приказав Олимпиаде оставаться на месте, он подошел к телефону и снял трубку. – Да, слушаю вас. Липу? Она сейчас очень занята, может, что-то ей нужно передать? – Его лицо помрачнело и перекосилось. – Отлично! Я обязательно скажу ей, как только увижу эту… м-да, что звонил Максим, с которым Олимпиада провела ночь. Она забыла у него свою сумку! Огромное вам мерси за звоночек, дорогой товарищ! Вы помогли нам расставить все на свои места. Не жених ли это? Нет! Теперь уже не жених, можете в этом не сомневаться! – И Дружинин кинул трубку на телефон. Не говоря ни слова, а его красноречивый взгляд бы хуже всякой ругани, он вышел из Липиной квартиры, громко хлопнув дверью.

– Металлические двери нынче дороги, – пробормотала она ему вслед и села на табуретку.

Плакать не хотелось, для этого она была слишком волевой девушкой. Иной раз и стоило бы пустить слезу, да только слезы у Липы всегда получались какими-то неестественными, теат-

ральными. Не зря ученые твердят в один голос, что плач способствует выведению из организма не только лишней жидкости, но и накопившегося негатива. Вот всплакнула бы и вывела негатив! Да только не может. Липа вздохнула и заглянула в холодильник. Проблема была банальна до безобразия: когда у нее случались неприятности, она много ела. Холодильник, как назло, был полностью забит с любовью заготовленными деликатесами. Ешь не хочу, поправляйся и успокаивайся. Говорят, полные люди менее импульсивны и гораздо спокойнее. Липа решила, что ей будет лучше поправиться, иначе она вернется обратно к Кудрину и убьет его за сегодняшний телефонный звонок. Она, видите ли, забыла сумку! А лично ей он этого сказать не мог?!

Липа взяла батон сырокопченой колбасы и принялась грызть его вместе со шкуркой. Это таким образом Кудрин ей мстит за свою Верочку. Теперь у него нет невесты, а у нее нет жениха. Что ж, они квиты. Дружинин не Верочка, он-то уж точно не вернется. А кто бы вернулся после таких слов? Она-де провела с ним ночь?! И как только его язык повернулся высказать такую крамолу! Впрочем, если не придираться к словам и принять в расчет только истинный смысл высказывания, то она действительно провела с Кудриным ночь. В хорошем смысле этого выражения. Но как донести этот смысл до Стасика?!

И стоит ли напрягаться? Прошла любовь, завяли одуванчики. Липа и так наплела черт-те что про безобидных, в сущности, чебурашек. Поверит ли тому, что произошло на самом деле, Станислав?! Липа с остервенением грызла колбасу. Она прекрасно знала, что не поверит, потому и врала. И нечего закармливать себя сказками про доброго бизнесмена, простившего невесте ночь с незнакомцем. Лучше еще покопаться в холодильнике. Интересно, а покупала ли она студень?

После завтрака ей действительно стало лучше. Олимпиада усмехнулась. Как оказалось, пища не только способствует проникновению нежных чувств в организм через желудок, будоража его внутренности, но и основательно его успокаивает. Этакий антагонизм нисколько не мешает людям жить и объедаться, ибо можно достигнуть чего угодно: или бури чувств, или успокоения души. Впрочем, успокаиваться ей было рано. Она прекрасно понимала, что история только началась, и завершение ее будет совершенно непредсказуемым. Липе снова придется увидеть Кудрина! Не может же она оставить свою сумку на произвол судьбы, там такая ценная записная книжка с адресами и телефонами респондентов, без нее она, как без рук. Можно было бы послать за сумкой Огурцова в обмен на интервью по мусору, но мешает подбитый глаз. Придется что-то придумывать самой.

Первое, что пришло в голову – позвонить Вике Наумовой и поздравить ее с наступившим Новым годом, а заодно и поинтересоваться, не желает ли она на днях проведать свою бабушку. Если желает, то пусть забежит за Липиной сумкой по такому-то адресу. Впрочем, адрес даже можно не записывать заранее, Вика знает Липин адрес наизусть, а Кудрин проживает на той же улице и в том же доме. Да еще и в тринадцатой, как Липа, квартире! Роковое совпадение! Домашний телефон Наумовой не отвечал, а мобильный тоном вышколенного робота сообщал о нахождении абонента вне зоны действия сети. Липа ужаснулась, неужели придется ехать самой? Естественно, она никого не боится, просто видеть еще раз все те же лица и пережить на трезвую голову заново все события, которые привели ее к разрыву с женихом, было достаточно тяжело.

Липа набрала полную ванну воды, хорошенько вспенила ее и наложила на лицо омолаживающую маску из серой глины, которая почему-то называлась голубой. Она залезла в воду и блаженно распростерлась по ванне. Пусть мир рушится! Ей сейчас все равно. Ничто не сможет вывести ее из равновесия. Ничто? Да, ничто. А вот никто ли?

– Доченька! Что у вас произошло?! – Защелка на двери в ванную комнату держалась на соплях, а теперь и вовсе с треском отлетела в сторону от могучего маминого рывка. У Евгении Петровны, как и у Станислава Дружинина, были ключи от Липиной квартиры. Только сейчас

Липа поняла, как непредусмотрительно поступила, раздавая их налево и направо. – Мне только что позвонил Стасик! Он рыдал в трубку! – Липа презрительно хмыкнула. Представить Стасика рыдающим было совершенно невозможно. Он, как и сама Липа, никогда не давал воли слезам и не был сентиментальным. – Стасик сказал, что между вами все кончено, и этому во многом, практически во всем, способствовала ты, Липушка!

– Мама, – вяло пробормотала Липа, поворачивая к родительнице свое лицо, – я устала.

– А! – вскричала та от неожиданности и схватилась за сердце. – Скажи мне только одно: ты остаешься невестой этого прекрасного, воспитанного, состоятельного молодого человека?!

– Лично я остаюсь, – призналась дочь, – только вот по поводу его жениховства сомневаюсь. Мамуля, потри мне спинку, пожалуйста. – И Липа протянула той мочалку.

– Выкручивайся сама, дорогая. – Евгения Петровна поджала губы и вышла из ванной.

Липа знала, что далеко мама не уйдет и допрос продолжится с пристрастием. Она прислушалась, скорее всего, на кухне мама начала греметь кастрюлями и плошками. Что ж, если новогодней ночью она стойко выдержала нападение двуногих, то сегодня мама ей не страшна. Липа окунулась в воду и начала смывать маску с лица.

– А! – вскрикнула в очередной раз Евгения Петровна, увидев свою дочь в махровом халате на пороге кухни. – Что у тебя с глазом?! У бедного Стасика от твоих загулов затряслась рука?! Несчастный небось ушиб об тебя кулак. Олимпиада! Сейчас же признавайся, зачем ты ему изменила?!

– Он и это тебе сказал? – рассердилась дочь. – Вот трезвон нашелся на мою голову.

– Нашелся, нашелся, – едко заметила родительница, – один-единственный нашелся, кто захотел тебя спасти от вечного одиночества! Один-единственный! И ему ты умудрилась изменить? Ему! Этому святому человеку! – Евгения Петровна плюхнула последнюю картофелину в воду и приложила мокрую руку ко лбу.

– Мама! – строго сказала Липа. – Не нужно драматизировать обстановку! Я ему не изменяла.

– Так почему ты не сказала ему об этом? – спохватилась Евгения Петровна и побежала за телефоном. – Сейчас же позвони мальчику и признайся в том, что ты ему не изменяла! Мальчик рыдал в трубку!

Липа бы позвонила, но последний довод не был убедительным, ибо мальчик рыдать не умел.

– Я ему говорила, – она пожала плечами, – но он не захотел меня слушать и хлопнул дверью.

– Ты говоришь об этом так, – ужаснулась Евгения Петровна, – словно тебе все равно, вернется Стас или нет! Липушка, ты же его любила!

Липа задумалась и поймала себя на том, что особенно не переживает по поводу ухода Стаса. Ее больше заботит, как забрать свою сумку у Кудрина. Это что? Притупленная реакция сытого организма на неприятности? Или полный пофигизм в отношении бывшего жениха? Нет, она действительно любила Стаса, он был такой импозантный, солидный. Был? Нет, что-то все-таки есть в глубине души, похожее на сожаление оттого, что Стас «был». Но почему так глубоко? Может, ей лучше не обедать, чтобы прочувствовать до конца безвозвратную потерю жениха и заставить себя немного поплакать?

– Олимпиада, ты останешься перезрелой грушей, – вздохнула Евгения Петровна, разливая по тарелкам наскоро приготовленный супчик. – Упустить такого жениха?! Мне бы твои годы!

– Мама, – укорила ее дочь, – ты и так была вполне востребованной. Как-никак, четыре брака за плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.